

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая.	
Его Светлость	5
Глава вторая.	
Загадочный надворный советник	23
Глава третья.	
Конфуз непобедимого	47
Глава четвертая.	
Чужая жена	61
Глава пятая.	
Поэт под подозрением	77
Глава шестая.	
Диплом рогоносца	103
Глава седьмая.	
Неравная схватка	113
Глава восьмая.	
Поклонница бессмертных лам	125

Глава девятая.	
Бегство покойницы	141
Глава десятая.	
Природа женщины.	162
Глава одиннадцатая.	
В компании шаромыжников	182
Глава двенадцатая.	
Один безе	206
Глава тринадцатая.	
Масонский антихрист	229
Глава четырнадцатая.	
Затворница и горностаи	260
Глава пятнадцатая.	
Зов небытия	279
Глава шестнадцатая.	
Последнее слово	294

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЕГО СВЕТАЛОСТЬ

Зимние дни в Российской империи короткие, особенно на севере, пусть и не дальнем, а где-нибудь в окрестностях Санкт-Петербурга. Только еще разгулялся день, только рассиялся холодным светом на белых полях и на засыпанных снегом верхушках сосен — ан глядь, уже и вечер подкатывает, томительный, темный, а за ним и непроглядная, как колодец, ночь, и ни единой звезды на мутном с бледной поволокою небе.

Но между днем и вечером есть краткий миг неопределенности, именуемый сумерками. Снег вокруг становится тусклым, голубеет, да и сам воздух, не потеряв еще прозрачности, делается синим, колдовским. Мир еще различим взглядом, но все теряет четкие очертания, и перейдена уже зыбкая грань, и выступает на первый план нечто, чему нет названия, и исчезает все, что казалось ясным и устойчивым.

И упаси вас Бог быть застигнутым сумерками в бесконечном обледеневшем поле или под мрачными сводами зимнего леса. Выйдет из своего укрышка хвостатый господин, серый волк, завоет тоскливо, и никто не даст тогда и полушки за жизнь путника, и верный конь не спасет — волк догонит, легколапый, прыгнет, сомкнет зубы на трепещущем теплом горле, перекусит, будет слизывать жаркую красную кровь, толчками выходящую из артерий...

Но волк еще не вышел из логова, а последние лучи зимнего солнца еще плывут в огненно-желтом закате, еще видна с высоты птичьего полета дорога, идущая пообочь поля. По дороге этой, по укатанному снегу несутся, скрипят полозьями крестьянские сани, влекомые бойкой каурой лошаденкой. В санях развалился, дергает за вожжи сорокалетний Савелий Ямщиков — крепостной человек обедневших дворян Измалковых. Продав на ярмарке плетенные женой и невесткой корзины, возвращается он из Санкт-Петербурга в село Тараканьево, Измалково тож, с полной мошной, которая приятно греет ему подбрюшье.

За спиной Савелия маячит сын, восемнадцатилетний Иван, — с лицом приплюснутым, рябым, глуповатым, с глазами круглыми и, как и вся физиономия, тоже не великого ума. К вечеру приморозило, Иван зябко кутается в овчинный нагольный тулуп, прихлопывает рукавицами, натягивает шапку поглубже — аж до соломенных желтых бровей.

Савелию, напротив, жарко — заячья шуба его, хоть и траченная молю, греет хорошо. А и что ж, что молю? Мало ли кого мошь поела — что же, всякий раз шубу менять? Он хозяин рачительный, цену копейке знает. А кому денег не жалко, пусть

хоть каждый год новую покупает. С таким человеком, пожалуй, и говорить не о чем, только в морду плюнуть погуще, да и то много чести! А его шубейка еще очень даже ничего, греет — а что еще от одежды нужно?

Правду сказать, грела Савелия не так шуба, как мысли, шевелившиеся в голове беспорядочно и жирно, словно тараканы в миске сметаны. Мысли были, прямо скажем, соблазнительные и даже непотребные.

О чем же думалось Савелию под скрип полозьев и посвист ветра в ушах? А думалось ему о невестке его, Дарье, об сына Ивана, стало быть, законной жене. На Покров сыграли свадьбу — и все, и кончилась спокойная жизнь у Савелия. Невестка ему попала фигуристая, статная, с белым лицом да томным взглядом. Вот взгляд этот самый, которым она то ли скользила по Савелию, а то ли смотрела куда-то вбок, — взгляд этот сильно Савелия волновал.

«Что Ванька-то — дурак, кулёма, — с досадой думал Ямщиков. — Квёлый он, где ему с такой кобылицей справиться? А вот я бы...»

Тут начинались такие мысли, что подирало Савелия по коже. Чувствовал, что грех он задумал, но не знал, как по-ученому такой грех называется. А если по-человечески, как в народе, то и совсем просто — снохачество. Дело не такое чтобы совсем небывалое: раз ему даже название дали, дело, считай, обычное. А коли так, почему бы им и не заняться?

Как-то, улучив минутку, когда остались они в избе одни, Савелий как бы невзначай огладил Дарью по круглому задку. Та — ничего, словно так и надо. Савелий осмелел, да и хватить ее за мяса. Та только голову к нему повернула и поглядела насмешливо:

дескать, и только-то, батюшка? Кровь ударила Савелию в голову, прижал он Дарью к стене, притиснул, горячими руками схватился за тугую грудь. А она ничего, не сопротивляется, все смотрит с вызовом прямо в глаза. Тут бы и случиться греху, да в самый неподходящий момент скрипнула дверь, вошел в избу сын — еле успел Савелий руки от Дарьи убрать, прикинулся, как бы и не было ничего.

Другой уж раз подстерег он невестку в хлеву и уверен был, что тут-то оно и сладится, — и снова нет: жена явилась, карга старая, как почуяла чего. Опять еле ноги унес, но только, кажется, старуха все поняла — ревнует к молодке, щерится злобно беззубым ртом. Жена-то старше Савелия на три года, женили его, только пятнадцать стукнуло, а посмотришь на нее — в матери ему годится, а то и в двоюродные бабушки. Оно и понятно: когда помоложе была, год за годом рожала детей, вот и состарилась раньше срока. Но только всё зря — дети все померли во младенчестве, один Ванька выжил, сидит вон за спиной, глазами лупает.

Одним словом, как увидела жена Савелия вместе с Дарьей, так и повадилась за ним повсюду ходить: куда он, туда и она. А куда ей нельзя или неподобно, так сын с ним увязывается — похоже, старуха все ему обсказала, теперь вот вдвоем ревнуют, чтоб веселее. Как говорится, сын да жена — одна сатана.

Вот оттого и горело злобой крестьянское сердце Савелия, оттого и было ему жарко сейчас, как будто черти, зная про его грешки, заранее взялись поджаривать его на горячей сковородке. А еще казалось, что чувствует он затылком ревнивый, ненавидящий взгляд Ваньки.

Савелий невольно поежился: а ну как схватит сынишка лежащий в санях колун да и вдарит отцу родному прямо по темечку, чтобы раскололась голова, будто гнилой арбуз? Ну, на открытом месте, может, и не посмеет Ванька арбузы колоть, а вот въедут они сейчас в ближний лесок — так и непременно.

Сани, действительно, легко въехали в лесок, покатались между соснами. Стало темнее, ночная тень от сосен легла на дорогу, белый снег с трудом разжижал темноту. Савелий почувствовал, как каменеет у него затылок. Кажись, сейчас самое время Ваньке его порешить. И то сказать: раз — схватил колун, два — вдарил по темечку. Потом закопал отца родного в снегу под деревьями — и готово дело, до весны никто не найдет. А весной и в землю перекопать можно, чтоб лежал по-хорошему, по-христиански.

При таких мыслях мороз пошел по коже у Савелия, в глазах сделалось темно. Как быть-то, люди добрые, неужто ни за грош пропадать от собственного сына? Пропадать, пропадать, ничего, видно, не попишешь...

Тут, однако, в голову ему пришла новая мысль. А если не ждать ничего, а самому взять колун да и врезать Ваньке промеж глаз?! А? Взять да и врезать, а потом в снег его, и домой. А коли спросят про Ваньку, сказать, что ушел погулять по Петербургу, а назад не явился. А после при удаче и старуху-жену спихнуть в колодец — вроде как несчастный случай, — а самому зажить мирком да ладком с невесткою. Заживут хорошо, новых детишек настругают, и не таких, как Ванька, а ровных, гладких, как огурчик.

За сладкими мыслями он совершенно забылся и пришел в себя, только когда каурая вдруг встала как вкопанная. Савелий глянул вперед, различил в сумерках поперек дороги разлапистую ветку — видно, ветром сломало, а то ли под снегом на землю обрушилась. Каурая переминалась с ноги на ногу, не могла идти дальше.

— Батюшка, глазнапы, — бормотнул за спиной его Ванька и даже, кажется, икнул со страху.

Савелий повернулся к нему: какие, к матери, глазнапы и откуда им тут взяться?

— Да вон, прям из пня растут, — и сын ткнул пальцем вбок, в чашу, — пень на нас таращится.

Савелий глянул, куда было ткнуто, увидел черную трухлявую пасть широкого пенька, но никаких глаз, конечно, не разглядел.

— Чудится тебе, дураку, — проворчал, — откуда у пня гляделки?

С тем Савелий передал поводья сыну, а сам полез из саней — расчищать путь.

Однако предприятие его не вышло: едва он соскочил на землю, прямо в морду ему уставилось ружье. Держал ружье улыбчивый чернявый мужик с кудреватой бородой. Светлый тулуп, подпоясанный красным кушаком, и крупные, как у коня, белые зубы выдавали в нем цыгана.

— Ну, дядя, распечатавай мошну, — велел чернявый, весело оскалась во весь рот.

Савелий обомлел. Что же это, люди добрые? Рази ж цыганы грабят, рази ж душегубствуют? Цыганы, одним словом, песни поют, коней уводят, в солдатах служат... А чтобы в живого человека целиться — отродясь у них такого в заводе не было.

— Надысь не было, нонче будет. — И цыган выразительно качнул ружьем.

Савелий, стenea и жалуясь на судьбу, полез к поясу за деньгами. Но тут раздался глухой удар, и супостат без лишних слов повалился на землю. Две темных фигуры — одна повыше, другая пониже — высились в сумерках над поверженным телом.

Ямщиков осенил себя крестным знаменем и хотел уже возблагодарить Господа за неожиданное спасение, но рука его замерла в воздухе. В сгустившейся тьме спасителя его гляделись благородными господами за одним только вычетом — оба голые, как черти.

Ванька за спиной отца сидел в санях истуканом, открывши рот от изумления.

Тем временем черт, который повыше, взглянул на лежавшего без памяти блудного сына индийской земли, хмыкнул и сказал загадочно:

— Цыганы шумною толпой по Бессарабии ко-чуют...

— Ась? — угодливо переспросил Савелий.

Черт обжег его огненным взглядом.

— Раздевайся, старинушка...

— То ись как? — Голос крестьянина дрогнул. — К-куды?

— Портки сымай, дядя, — вмешался черт пониже, поднимая с земли цыганское ружье. — И шубу тоже. И не разводи философию почем зря, с тобой тут не шутки шутят.

Услышав слово «философия», цыган шевельнулся в снегу, выбрался в беспомощности и снова затих.

Выйдя из оцепенения, Савелий и сын его стали торопливо разоблачаться. Потрясенные происходящим,

они не увидели, как в темноте из широкого пня выбрался леший — бородатый карла размером в полчеловека — и бесшумно исчез в чаще...

Не прошло и часу, а карла уже входил в дом Потемкина на Галерной, где были гостиничные номера. Никто его не остановил — в Санкт-Петербурге привыкли к карлам, многие знатные семьи имели их у себя для увеселения, да и не по одной еще штуке.

Нумер, куда явился карла, был хорошо обставлен — зеркала в богатых рамах, покойные кресла, мягкие диваны, зеленого сукна стол для игры в карты. Свечи в люстре под мрачным сводчатым потолком играли тенями и отбрасывали трепещущий свет на хозяина жилища — высокого человека с величественными и мягкими чертами лица. Его волосы были белыми, белым было лицо, и даже одет он был во все белое — только глаза голубые, как будто отразились в них новорожденные весенние небеса.

Бородатый карла преданно стоял перед белым человеком, запрокинув сморщенное личико к потолку, — гномья борода его глядела вперед, словно лопата. Хозяин же нумера смотрел на него сверху вниз ласково и чуть тревожно.

— Итак, они прибыли.

— Точно так, ваша свет... — начал карла, но собеседник прервал его.

— Ваша милость, — сказал он, голос у него был глубокий и мягкий, — ваша милость.

— Виноват, ваша милость, — склонил голову карла. — Прибыли.

Лицо его милости сделалось мрачным. Он отошел к окну и стал вглядываться в темноту, чуть разжижаемую желтым светом уличного фонаря. Мол-

чание тянулось тягостно, словно вечность. Наконец белый человек заговорил, не глядя на карлу:

— Точно ли ты уверен, что это они?

— Кому же еще быть? Двое голые среди леса в мороз — не кто иной должно быть, как они.

— И куда же они направились?

— Не могу знать, ваша све... ваша милость. Сели в сани, дернули вожжи — и давай Бог ноги.

Белый человек помолчал еще немного, все так же глядя в дрожащую тьму зимней столицы.

— Ну, ничего, — сказал он, — ничего. Они себя еще покажут. Непременно покажут, вот увидишь.

После этого он отвернулся от окна и подошел к карле. Несколько времени смотрел на него все так же ласково, потом выговорил, словно извиняясь:

— И все ж таки, братец, как оно там дальше сложится — никому не ведомо. Так что ты будь любезен, поди и найди их.

Карла поднял черные глаза, необыкновенно большие на маленьком его сморщенном личике, растерянно развел руками.

— Да где же прикажете искать, ваша милость, — Петербург велик. Хоть целый год ищи тут человека, а коли он сам не захочет, ни за что не доищешься.

— Да уж знаю, братец, нелегко, — его милость сочувственно покачал головой, — а только расстарайся, и не в службу, а в дружбу. Разбейся вдребезги, вывернись наизнанку, но, уж будь любезен, найди.

Что-то такое промелькнуло в его голосе, что карла не стал больше задавать вопросов и в превеликой задумчивости покинул комнату. Хозяин номера походил по комнате из конца в конец, потом встал, прислушался и вдруг сказал негромко:

— Сударыня, прошу вас.

Ответом была тишина. Подождав секунду, белый человек возвысил голос:

— Сударыня, не заставляйте меня ждать. Собогазоволите войти.

Дверь открылась, и в комнате явилась дама в простом фиалковом платье, темной шляпке, темной же вуали и фиалковых перчатках. Она подошла к хозяину нумера, взяла его руку своими двумя и поднесла к губам для поцелуя.

Белый человек, однако, осторожно отнял у нее руку и сказал с легким упреком:

— Что вы, к чему? Не нужно этого, совсем не нужно.

И, словно желая упредить новые поползновения, быстро надел на руки белые перчатки. Затем снова взглянул на гостью, по губам скользнула легкая улыбка.

— Вы, мадам, разумеется, все слышали.

Лицо дамы под вуалью даже не дрогнуло.

— Вы думаете, ваша светлость, я способна подслушивать?

— Я крайне высокого мнения о ваших способностях, — сухо вато отвечал его светлость. — Не сомневаюсь, что вы подслушивали бы даже под страхом смерти. Так или иначе, вы наверняка уже все поняли.

— Все, кроме того, кто такие эти они, прибытия которых вы так ждали.

Грустная улыбка тронула губы его светлости.

— Они — это враги, — отвечал он. — Страшные враги, способные уничтожить не только плоды наших трудов, но и нас самих. Больше скажу: их жертвою могут стать мириады ни в чем не повинных душ.

— Неужели они так ужасны?

— Невозможно даже передать, до какой степени. — Хозяин нумера показал рукой на кресло. — Не угодно ли присесть? Впереди у нас долгий разговор, нам нужно разработать план. План, в котором вы, мадам, будете играть главную роль.

Балы в доме австрийского посла Карла Людвига Фикельмона пользовались необыкновенной популярностью у высшего света, и не в последнюю очередь благодаря жене его, очаровательной Долли — Дарье Федоровне Фикельмон, внучке славного фельдмаршала Кутузова. Еще большей популярностью пользовались балы-маскарады, устраиваемые этим семейством.

Нынешний маскарад не стал исключением.

Сияли под потолком хрустальные люстры в сотню свечей, заливая ярким светом роскошный бальный зал, способный вместить целый полк драгун вместе с их лошадьми. Правда, когда здесь появлялся драгунский или какой другой офицер, он, согласно распорядку, оставлял свою саблю в прихожей у швейцара. Да и мало кто являлся на маскарад в военном мундире: обыкновение требовало от мужчин соблюдать правило бального костюма — фракная пара любой расцветки, плащ или домино, а также белый жилет, белый галстук, башмаки, но никак не сапоги. Главным отличием маскарада от обычного бала были шляпы и маски-венецианы — в том случае, если мужчина хотел непременно соблюсти инкогнито, точнее сказать, подать себя оригиналом. Среди таковых оригиналов попадались великие затейники: как-то раз некто таинственный приехал на маскарад в наряде схимника. Сжигаемые любо-

пытством драгунские офицеры проследили за ним прямо до дома, и это оказался граф Р. Другой шалун нарядился Амуром, но только не совсем голым, а в телесного цвета сорочке и прозрачных кисейных панталонах, с луком, стрелами, да вдобавок к сему еще и с камергерским ключом.

Дамы на маскарадах обычно выступают в разноцветных масках-баутах и летучих накидках-домино, плотно закрытых спереди, чтобы даже по случайной родинке на плече нельзя было их узнать. Ибо бал и маскарад разнятся по самой сути своей: на обычном балу дамы и барышни стремятся показать себя, а на маскараде, напротив, скрыть. За маской и в домино любая почти женщина кажется загадочной и соблазнительной, и такова на самом деле она и есть — мужчине рядом с ней видны лишь губы или глаза сквозь прорезь маски, и все в ней соблазн, все искушение... О, эти чарующие разговоры, когда двое несутся в туре вальса или между танцами, когда кавалер во что бы то ни стало хочет разгадать свою партнершу, она же не поддается на хитрые уловки, интригуя партнера все больше и больше. Сколько интрижек завязалось на маскарадах, сколько верных мужей были сбиты с пути истинного, сколько юношей потеряли голову!

Ежели, танцуя с таинственной маской, кавалер угадывает, кто она, галантный этикет предписывает не говорить об этом вслух, но лишь начертать на ладони своего предмета первую букву имени. И если он угадал, дама может кивнуть, признаваясь, а может и молча ускользнуть, оставив его в мучительных размышлениях, угадал он все-таки или нет?

Завязтые сердцееды не спешат увлечь в кадрили или мазурку приглянувшуюся маску. Они флани-

руют по залу, присматриваясь к самым загадочным и изящным домино, чтобы, наконец, сделать верный выбор и спикировать на жертву, словно сокол на ласточку.

На маскарадах иной раз случаются смешные казусы. Нередко какой-нибудь муж вдруг увлечется скрытой под маской чаровницей, а та впоследствии окажется его благоверной, с которой он прожил добрый десяток лет и прижил несколько детей.

Бывают и более курьезные случаи. Как-то на балу у Голицыных одному аристократическому юноше приглянулась маленькая изящная дама в золоченом домино. Он говорил и танцевал с ней полвечера, и в конце концов та разрешила ему провожать ее с маскарада. Трепеща от волнующих предчувствий, он поехал в одной карете с загадочной маской. Но, доехав до места, вдруг понял, что перед ним — его собственный дом, а под маской — его собственная мать.

— Возвращайся на бал, коли хочешь, — сказала та обескураженному сыну.

— Нет уж, я лучше останусь дома, — сердито отвечал молодой человек, — а то, не ровен час, еще бабушку там встречу.

Как ни странно, и такое может случиться. Кроме молодежи и людей средних лет на балы являются и дамы преклонного возраста, великосветские старушки. Впрочем, старушками их зовут хоть и ласково, но исключительно за глаза, поскольку старушки эти обладают в свете нечеловеческой властью и способны ломать судьбы и репутации или, напротив, поднимать людей к вершинам карьеры.

Вот что пишет об этих почтенных дамах друг Пушкина Петр Вяземский: